

О. А. Тарабардина

ЯРОСЛАВОВО ДВОРИЩЕ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ярославово дворище, где в Средневековье располагались княжеский двор, городской Торг и собиралось новгородское вече, всегда привлекало внимание историков и археологов. Не случайно с началом активных раскопок в Новгороде в 1930-е гг. именно здесь были заложены раскопы как Новгородского музея (под руководством А. А. Строкова), так и экспедиции Московского университета, Московского отделения ИИМК АН СССР и ГИМа под руководством А. В. Арциховского. Исследования эти были прерваны Великой Отечественной войной, но возобновились сразу после ее завершения, в 1946 г. Новгородский музей вел раскопки в общей сложности 5 лет, в 1937–1938, 1940 и 1946–1947 гг., а московская экспедиция посвятила этим работам четыре полевых сезона (1938–1939 и 1947–1948 гг.). В целом, на протяжении 7 лет в восточной части Ярославова дворища было заложено 16 раскопов (рис. 1), что, несомненно, отражает особый интерес исследователей к этой территории.

Итоги первых раскопок Новгородского музея на Ярославовом дворище были подведены в публикации А. А. Строкова, В. А. Богусевича и Б. К. Мантейфеля¹ в Новгородском историческом сборнике 1938 г. Результаты работ московской экспедиции 1930-х гг. опубликованы А. В. Арциховским в виде большой статьи в издании «Материалы и исследования по археологии СССР» в 1949 г.² Сообщения о последующих раскопках на Дворище были достаточно краткими и носили предварительный характер³. Попытка обобщения результатов послевоенных работ Новгородского музея была предпринята Т. М. Константиновой,

¹ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки на Ярославовом дворище. // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). Новгород, 1938. Вып. III–IV. С. 183–210.

² *Арциховский А. В.* Раскопки восточной части дворища в Новгороде // *Материалы и исследования по археологии СССР* (далее – МИА). № 11. М.; Л., 1949. С. 152–176.

³ *Строков А. А.* Дохристианский могильник (По данным археологических раскопок на Ярославовом дворе) // НИС. Новгород, Вып. 6. С. 51–53; *Строков А. А.* Отчет о раскопках древнего русского водопровода // НИС. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 16–21; *Строков А. А.* Раскопки на Ярославовом дворе в 1940 г. // НИС. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 3–17; *Арциховский А. В.* Новгородская экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее – КСИИМК). М.; Л., 1949. Вып. XXVII. С. 113–127; *Арциховский А. В.* Раскопки в Новгороде // КСИИМК. М.; Л., 1950. Вып. XXXIII. С. 3–16.

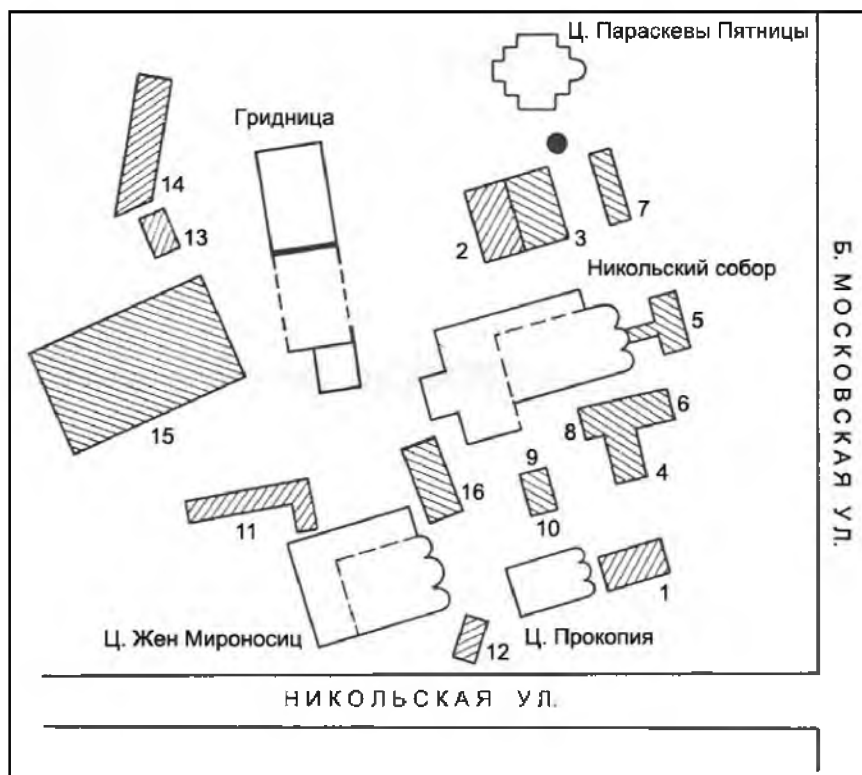

Рис. 1. План раскопов 1930–1940-х гг. на Ярославовом дворище в Новгороде.

1, 2 – раскопы Новгородского музея 1937 г.; 3–6 – раскопы экспедиции А. В. Арциховского 1938 г.; 7–10 – раскопы экспедиции А. В. Арциховского 1939 г.; 11, 12 – раскопы Новгородского музея, 1938 г. и 1940 г.; 13, 14 – раскоп Новгородского музея, 1946–1947 гг.; 15, 16 – раскопы экспедиции А. В. Арциховского, 1947–1948 гг.

использовавшей материалы руководившего раскопками Б. К. Мантейфеля⁴.

Выводы, сделанные исследователями в ходе этих работ полувековой давности, можно кратко резюмировать следующим образом. Было намечено зонирование изученной территории. А. В. Арциховский пришел к заключению, что граница между торгом и княжеским двором

⁴ Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 3–16. Вызывает недоумение тот факт, что указанная статья не содержит ни ссылок на отчеты о раскопках, ни упоминания имени их автора, Б. К. Мантейфеля, что уже отмечал В. Ф. Андреев – см.: Андреев В. Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 120.

проходила в непосредственной близости от Николо-Дворищенского собора⁵. Севернее него, в раскопах 2 и 3 (рис. 1: 2, 3) между Никольским собором и ц. Параскевы Пятницы, и в раскопах 1946, 1947 гг. западнее гридницы (рис. 1: 13, 14) были зафиксированы деревянные сооружения и мостовые, которые исследователи связывали с территорией южной части Торга. В предматериковых напластованиях здесь выявлены, по мнению авторов раскопок, остатки культового урочища и дохристианского могильника X в.⁶ Следы поселения более раннего времени, с лепной керамикой, обнаружены в ранних горизонтах раскопа 1947–1948 гг. западнее гридницы (рис. 1: 15)⁷.

Исследования на участках восточнее и южнее собора осложнялись наличием здесь кладбищ Никольского собора, церкви Прокопия и Жен-Мироносиц, уничтоживших культурные напластования на значительную глубину. Ряд деревянных сооружений, выявленных ниже слоя некрополя, первоначально связывали с княжеским двором, как и протяженное здание в раскопе 1947–1948 гг. Эта постройка, длина исследованной части которой составляла 17 м, была первоначально интерпретирована как часть деревянного княжеского дворца⁸, а позднее – как остатки ряжей северной стены, ограждавшей княжеский двор⁹. Находки многочисленных водоотводных систем различных конструкций, повсеместно встреченных при раскопках на Дворище, дали толчок для последующего углубленного изучения этих сооружений и их места в благоустройстве Новгорода¹⁰.

Следует отметить, что новгородская археология в этот период делала свои первые шаги: это отразилось и в методике исследований, и в интерпретации полученных материалов, и в определении их хронологии. Как и при раскопках 1932–1937 гг. на Славне¹¹, основой хронологии раскопок на Дворище послужили строительные прослойки. А. В. Арциховский связывал их с периодами строительства, ремонтов и перестроек Никольского собора и ц. Параскевы Пятницы, хорошо известными из письменных источников, и датировал 1113, 1207, 1340, 1359, 1529, 1650 и 1820 гг.¹² Датировка раскрытых раскопками сооружений определялась, исходя из их расположения относительно этих, как предполагалось, точно датированных строительных прослоек. Использование датированных строительных прослоек для определения относительной и абсолютной хронологии культурных напластований средне-

⁵ Арциховский А. В. Раскопки восточной части дворища... С. 176.

⁶ Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Указ. соч. С. 199–202; Строков А. А. Дохристианский могильник... С. 51–53.

⁷ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде... С. 8.

⁸ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде... С. 7.

⁹ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет... С. 17.

¹⁰ Медведев А. Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода // МИА. М., 1956. № 55. С. 208–227.

¹¹ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11. М.; Л. 1949. С. 119–151.

¹² Арциховский А. В. Раскопки восточной части... С. 176.

векового города было признано одним из важнейших достижений археологии Новгорода в довоенный период¹³. Предложенные датировки до последнего времени воспринимались как достаточно убедительные¹⁴ и в целом не пересматривались, хотя высказывались сомнения по поводу хронологии отдельных сооружений. Так, А. Н. Сорокин, изучая проблемы благоустройства Новгорода и хронологию различных видов дренажных систем, в частности деревянных труб, обнаруженных на Дворище, отмечал, что принятые в литературе датировки не бесспорны¹⁵.

По завершении в 1948 г. раскопок на Ярославовом дворище оно на долгие десятилетия выпало из поля зрения археологов. Начало в 1951 г. Неревской эпопеи, появление в раскопах целых кварталов средневекового города с богатейшей материальной культурой и находки берестяных грамот перевернули представления о городской археологии, привлек внимание исследователей к другим районам Новгорода. А. В. Арциховский, отмечая большое историческое значение Дворища, писал в 1956 г. о том, что оставшиеся участки необходимо «сохранить для будущих ученых, которые будут применять более совершенные методы, чем мы»¹⁶.

Во второй половине XX в. археологические работы на Дворище преимущественно носили охранной характер: они были связаны, главным образом, с изучением и реставрацией его архитектурных памятников. Наиболее масштабными были архитектурно-археологические исследования Вл. В. Седова 1996–1997 гг. у стен Никольского собора (раскоп Дворищенский XVII, по нумерации Д. В. Пежемского)¹⁷.

В 2007 г. археологическое изучение Ярослава дворища было возобновлено: по инициативе Новгородского музея-заповедника начаты раскопки с южной и восточной стороны Николо-Дворищенского собора; они предваряли работы по вертикальной планировке прилегающей территории и устройству дренажной системы. В 2007–2009 гг. раскопками руководил Д. В. Пежемский, в 2013–2014 гг. – А. В. Андриенко¹⁸. В результате работ на Дворищенских XVIII–XX раскопах оказалось исследовано достаточно большое пространство, примыкающее непосред-

¹³ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет... С. 14.

¹⁴ См., например, Андреев В. Ф. Указ. соч. С. 119.

¹⁵ Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 61.

¹⁶ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. М., 1956. № 55. С. 12.

¹⁷ Пежемский Д. В., Мацковский В. В. О датировке кладбища у Никольского собора на Ярославовом дворище в Великом Новгороде // Вестник антропологии. М., 2013. № 3 (25). С. 90.

¹⁸ Хорошев А. С., Пежемский Д. В., Степанов А. М. Новые исследования на Ярославовом дворище в Великом Новгороде // АО 2007 года. М., 2010. С. 45; Пежемский Д. В., Мацковский В. В. Указ. соч. С. 89–99; Андриенко А. В. Отчет об археологических исследованиях на Ярославовом дворище в Великом Новгороде в 2013 г. // Архив ИА РАН.

Я благодарю руководителей раскопок Д. В. Пежемского и А. В. Андриенко за предоставленный материал для исследований и консультации.

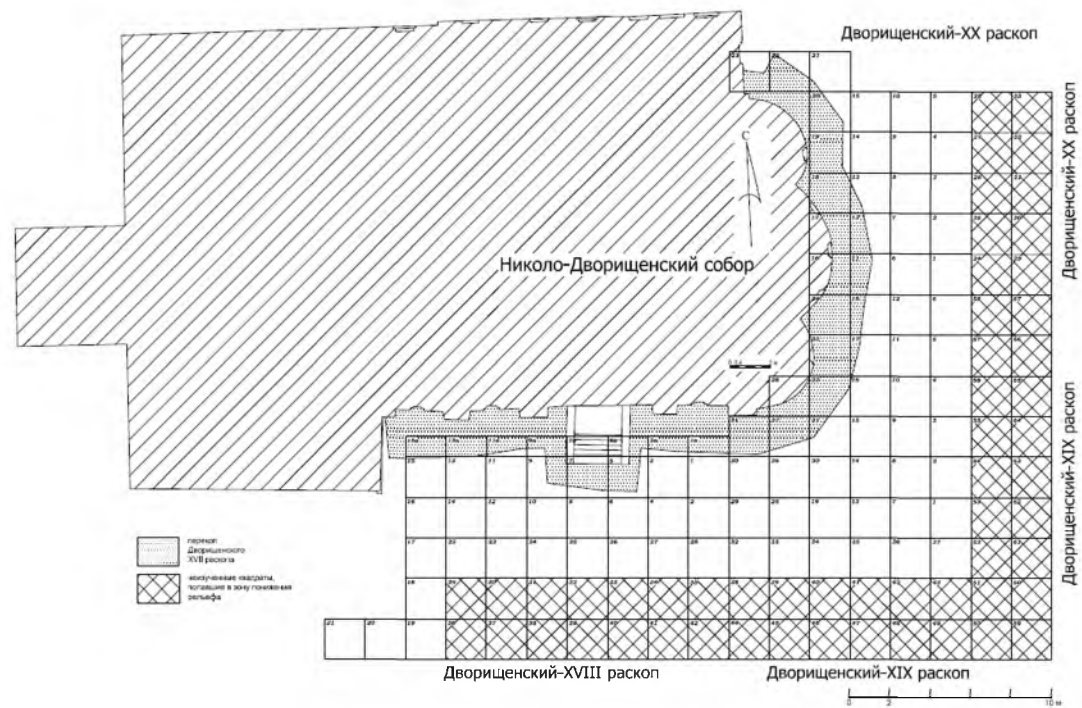

Рис. 2. Двориценские XVII–XX раскопы
 (по: Рыбина Е. А. Отчет об археологических исследованиях в
 Великом Новгороде на Ярославовом дворище. Великий Новгород, 2008. Рис. 4).

ственно к южной и восточной стенам собора, связанное воедино как с довоенными раскопами А. В. Арциховского № 5, 6, 8, 9, так и с раскопом № XVII Вл. В. Седова (рис. 2). При этом были вновь вскрыты некоторые объекты и сооружения, обнаруженные в ходе работ 1930-х гг. Тогда на участке к востоку от собора под многочисленными погребениями был выявлен многовенцовый сруб, охарактеризованный первоначально, как погреб-ледник, связанный с княжеским двором. Погреб перебил несколько деревянных труб и желобов, пересекавших участок в разных направлениях; эти конструкции сочли водопроводом и дренажными системами раннесредневекового Новгорода. И погреб, и предшествовавшие ему «водопровод» и дренажи первоначально датировали XI в., кладбище – XVI–XVII вв.¹⁹ С возобновлением раскопок в начале XXI в. появилась возможность вновь вернуться к вопросу о датировке этих сооружений. В пределы нового раскопа, помимо многочисленных погребений, попала западная стена погреб-ледника и продолжение деревянных труб и каналов, прослеженных в раскопах 1938 г. Уточнение датировок изучаемых объектов современными методами являлось одной из задач исследований в 2000-х гг.²⁰

За более чем полвека, разделяющие эти два этапа изучения Дворища, кардинально изменились не только наши представления о новгородской археологии, но и возможности точного датирования исследуемых древностей. В 1960-е гг. в археологии началась эра использования естественнонаучных методов. В новгородской археологии на смену датированию по стратиграфии, находкам и аналогиям пришло дендрохронологическое датирование построек, их комплексов и связанных с ними материалов. Эта методика, основанная на изучении годичных колец деревьев, позволяет определить точное время рубки бревен, а следовательно, и даты сооруженных из них построек²¹. Разработка дендрохронологического метода датирования и создание дендрохронологической шкалы дали возможность «с невиданной... дробностью хронологически членить культурный слой, а следовательно, и все древности, вскрываемые в нем», приблизив хронологию археологического памятника к хронологии письменных источников с календарными датами²². За последние 50 лет дендрохронология стала неотъемлемой составляющей археологического изучения Новгорода. Методика дендрохронологического анализа за это время также претерпела существенные изменения: от визуального сопоставления графиков роста годичных колец²³ к использованию статистических методов и компьютерных программ

¹⁹ Арциховский А. В. Раскопки восточной части дворища в Новгороде... С. 162–165.

²⁰ Пежемский Д. В., Мацковский В. В. О датировке кладбища... С. 91.

²¹ Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. М., 1963. № 117. С. 5–103.

²² Колчин Б. А., Янин В. Л. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 20.

²³ Вихров В. Е., Колчин Б. А. Основы и метод дендрохронологии // Советская археология (далее – СА). 1962. № 1, С. 95–112; Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода...

для анализа сходства изучаемых образцов, их серий и дендрохронологических шкал²⁴.

В 2007 г. дендрохронологический метод датирования впервые удалось использовать и при изучении Ярославова дворища. На протяжении четырех полевых сезонов на Дворищенских XVIII–XX раскопах был получен 41 образец для дендрохронологического исследования деревянных конструкций. Образцы представляют собой полные поперечные спилы, сделанные с бревен и досок хорошей сохранности. Их изучение проводилось в 2007–2013 гг. в лаборатории дендрохронологии археологического центра Новгородского музея-заповедника по принятой методике²⁵. Основой для хронологической привязки образцов являлась новгородская дендрохронологическая шкала NOVPIN, дополненная материалами XVI в. Федоровского²⁶, Посольского и Нутного раскопов, а также ряда архитектурных памятников Новгорода. Для дополнительной проверки датировок привлекалась дендрошкала Юго-Восточной Финляндии.

В строительстве средневекового Новгорода использовали, главным образом, хвойные породы древесины – сосну (*Pinus silvestris*) и ель (*Picea abies*), поэтому именно сосновые и еловые образцы являются основным объектом дендрохронологических исследований и источником получаемых датировок. При этом основу дендрохронологической шкалы Новгорода составляют многолетние сосновые образцы. Следовательно, чем больше в той или иной изучаемой выборке многолетних сосновых моделей, тем потенциально успешнее будет ее дендрохронологическое изучение и выше процент датированных образцов. Выборка Дворищенских раскопов оказалась в этом смысле достаточно перспективной.

Все исследованные конструкции, за исключением крупного столба, перебившего постройку XI в., сооружены из сосны и ели при существенном преобладании сосны. Процентное соотношение деревьев разных пород в сооружениях Дворищенских XVIII–XX раскопов таково: сосна – 71%, ель – 27%, дуб – 2%. Интересно, что наблюдения за составом строительной древесины, хотя и не очень тщательные, проводились в первый год изучения Дворища на раскопах Новгородского музея. Так, описывая мостовую, обнаруженную в раскопе 2, авторы раскопок отме-

²⁴Колчин Б. А., Битвинская Т. Т. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 81–92; Урьева А. Ф., Черных Н. Б. Дендрошкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки // ИИЗ. Новгород. 1995. Вып. 9. С. 105–114; Тарабардина О. А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

²⁵Тарабардина О. А. Дендрохронология средневекового Новгорода... С. 6–7.

²⁶Тарабардина О. А. Дендрохронологические шкалы средневекового Новгорода: Федоровский раскоп // Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер.: Гуманитарные науки. Великий Новгород, 2006. № 38. С. 19–23.

чали, что плахи ее настилов «тесались из сосны, а на лаги употреблялся тонкий еловый лес»²⁷.

Возрастной состав строительной древесины исследуемой выборки типичен для новгородских раскопов: преобладает молодое дерево (не старше 100 лет)²⁸, доля которого составляет 68%. Число многолетних моделей (возрастом более 100 лет), которые являются оптимальным материалом для датирования, не превышает 32%. Тем не менее, этот показатель выше среднего значения по Новгороду (23 %).

В результате проведенного исследования 26 образцов (63%) получили датировку. В верхней части культурных напластований выявлено несколько впускных сооружений нового и новейшего времени, наиболее поздним является водосборный колодец, сооруженный около 1939 г. в засыпке раскопа 1938 г. Для нас же наибольший интерес представляют конструкции периода Средневековья. Пространство у южной и восточной стен собора занято кладбищем, которое уничтожило культурные напластования предшествующего периода на значительную глубину. При этом в юго-восточной части участка в нижних горизонтах погребения, включая деревянные гробы, сохранились достаточно хорошо. На протяжении последних лет археологические раскопки в Новгороде неоднократно затрагивали позднесредневековые кладбища, но плохая сохранность органики делала невозможным применение дендрохронологического метода датирования²⁹.

Уникальная для новгородских некрополей сохранность раннего горизонта погребений у Николо-Дворищенского собора позволила получить серию образцов для исследования. Всего было сделано 16 спилов с досок, дна и крышек гробов 11 погребений; большая их часть представлена единичными спилами. В результате перекрестной датировки образцов определены календарные даты 15 из них, что позволяет с разной степенью точности датировать 10 погребений. Точность датировки в данном случае зависит исключительно от сохранности внешних колец образцов. У трех образцов (погребения № 348, 364 и 365) поверхность была повреждена достаточно сильно и значительная часть внешних колец утрачена. В этих случаях дендродаты являются условными: датировку получает последнее сохранившееся годичное кольцо, но поскольку мы не знаем, сколько колец после него утрачено, то не можем точно установить порубочную дату. У образца из погребения № 364 последнее сохранившееся кольцо образовалось в 1462 г., из погребения № 348 – в 1471 г., № 365 – в 1503 г. Образцы 7 погребений отличались хорошей сохранностью (у образцов из четырех погребений – № 149, 336, 370, 371 – зафиксировано подкорковое кольцо). Эта группа погребений

²⁷ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Указ. соч. С. 199.

²⁸ *Тарабардина О. А.* Дендрохронология средневекового Новгорода... С. 7–9.

²⁹ *Пежемский Д. В.* Погребения Троицкого XI раскопа // ННЗ. Великий Новгород, 1998. Вып. 12. С. 138–153; *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Археологические исследования на Софийской стороне Новгорода в 2011 г. // ННЗ. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 18.

ний датируется следующим образом: погребение № 354 – 1505 г., № 305 – 1508 г., № 149 – 1512 г., № 371 – 1514 г., № 370 – 1515 г., № 368 – 1516 г., 336 – 1518 г. По данным стратиграфии, это самые ранние захоронения кладбища, и их датировка определяет нижнюю дату некрополя в целом.

Таким образом, формирование некрополя у Никольского собора относится к началу XVI в., т. е. к московскому времени. К этому же выводу привело изучение образцов из раскопок 2013 г. в лаборатории Института географии Российской Академии наук, проведенное В. В. Мацковским³⁰.

Как отмечалось выше, в раскопе 5 экспедиции А. В. Арциховского под слоем погребений, на 0,5 м ниже них, был выявлен сруб с полом, размерами 4,4 × 4,2, сохранившийся в высоту на 2,1 м (14 венцов), с плотницкими пометками на северной стене. А. В. Арциховский атрибутировал постройку как погреб-ледник, связанный с княжеским двором XI в.³¹ (рис. 3). Сруб датирован им XI в. на том основании, что он находился на 0,2 м ниже строительной прослойки, которая, по мнению исследователя, образовалась при возведении Никольского собора в 1113 г. Западная часть этого сооружения и прилегающая территория вскрыты в 2009, 2013 гг. в ходе работ на Дворищенских XIX–XX раскопах. Удалось сделать шесть спилов с его стен: погреб сооружен из еловых бревен небольшого диаметра. Корреляция еловых образцов с дендрохронологической шкалой Новгорода при первоначальных сопоставлениях оказалась достаточно низкой. Хронологическую привязку удалось получить благодаря выборке из некрополя Никольского собора. При сравнении образцов из погреба и некрополя стало очевидно, что бревна погреба срублены примерно на 40 лет раньше, чем те, из которых изготовлены гробы раннего горизонта погребений. Порубочная дата всех 6-ти образцов – 1475 г.: сооружение с погребом появилось близ Никольского собора лишь в XV в., и не имеет отношения к княжескому дворцу XI столетия.

При сооружении погреба, как выявлено при раскопках 1930-х гг. (рис. 3) и подтверждено в 2000-е гг., были перерублены водоотводные системы, состоящие из деревянных труб и бревенчатых желобов. Ис-

³⁰ *Пежемский Д. В., Мацковский В. В.* О датировке кладбища... С. 96–97. Датировки, приведенные в этой публикации, в ряде случаев отличаются от полученных в лаборатории археологического центра Новгородского музея. Это связано с сохранностью образцов. Так, образец из погребения 365 в выборке лаборатории ЦОАИ сохранил 165-годовалые кольца, последнее из которых датировано 1503 г. Его аналог, исследованный в ИГ РАН, N02A 1, – 142 кольца, дата последнего – 1480 г. Образец из погребения 368 имеет 163 кольца, датирован 1516 г., его двойник – N02A 3, 160 колец, 1513 г. Погребение 354 – 179 колец, 1505 г., его аналог N02A 4 – 149 колец, 1473 г. Образец из погребения 370 – 71 кольцо, 1515 г.; образец N02A 5 – 68 колец, 1512 г. Погребение 348 – 148-годовалые кольца, 1471 г., аналогичный образец N02A 6 – 127-годовалые кольца, 1450 г. Образец из погребения 364 – 132 кольца, 1462 г., образец N02A 7 – 139 колец, 1470 г.

³¹ *Арциховский А. В.* 1949. Раскопки восточной части дворища в Новгороде... С. 165.

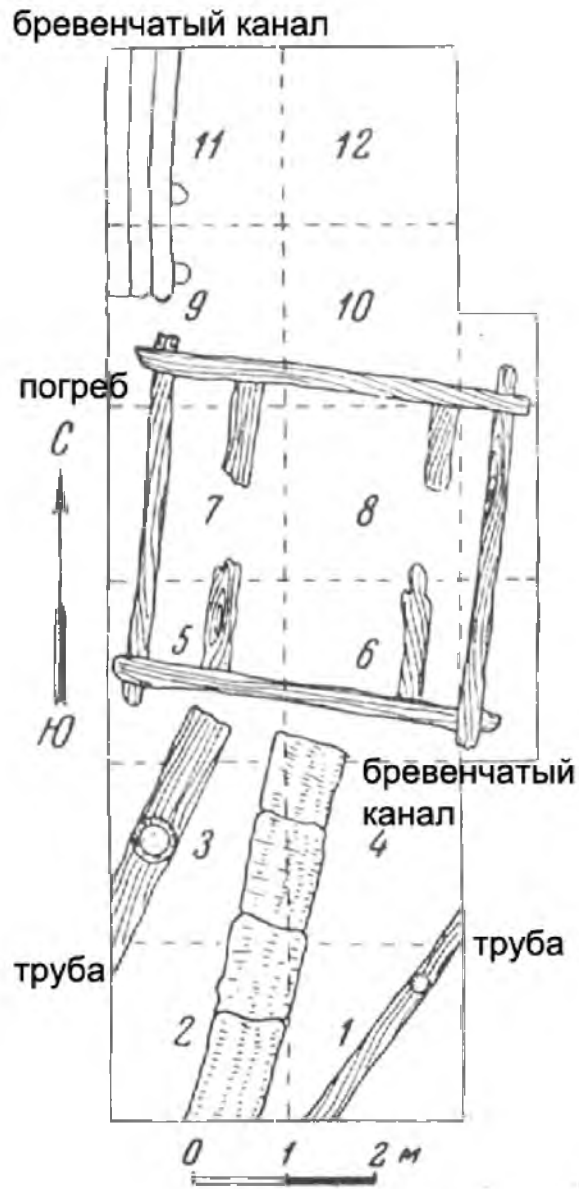

Рис. 3. План деревянных сооружений в раскопе 5
 (по: Арциховский А. В. Раскопки восточной части дворища в
 Новгороде // МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 162. Рис. 56).

ходя из датировки погребя-ледника концом XI в., А. В. Арциховский относит их к более раннему времени – началу XI в.³² В 2007 г. на Дворищенском XVIII раскопе с деталей деревянных труб сделаны два спила. Оба образца в результате дендрохронологического исследования получили датировку 1420 г., что подтверждает их принадлежность единой водоотводной системе. В заполнении трубы был обнаружен небольшой фрагмент соснового бревна; его дендродата – 1717 г., демонстрирует, что система, сооруженная в начале XV столетия, продолжала функционировать и в XVIII в. Дренажные системы с деревянными цилиндрическими трубами датируются достаточно широко. Самый ранний дренаж такого типа, известный на сегодняшний день в Новгороде, сооружен в 1270–1280-х гг.³³, а время их наибольшего распространения приходится на XVI–XVIII вв.³⁴

Другую дренажную систему в виде бревенчатого канала из еловых бревен, располагавшуюся севернее (раскопы 5, XX), точно датировать не удалось: время строительства перебившего дренаж погребя – 1475 г. является *terminus antes quem* этого сооружения. Бревенчатые каналы считаются древнейшей разновидностью водоотводных сооружений средневекового Новгорода: они появляются в XII в. и продолжают сооружаться вплоть до XVI–XVIII вв.³⁵ По данным дендрохронологических исследований, самый ранний водосборник этого типа датируется 1290-ми гг.³⁶

Таким образом, дендрохронологические исследования деревянных труб и погребя из раскопов на Ярославовом дворище позволили датировать их XV в., на четыре столетия омоложив первоначальную датировку.

Несмотря на то, что культурный слой вблизи Никольского собора в значительной степени нарушен кладбищем, были обнаружены некоторые свидетельства раннего освоения этой территории. К раннему этапу застройки участка относится, в частности, столб из материковой ямы № 2 раскопа XVIII, датированный 1045 г.³⁷. Эти ранние слои перекры-

³² Арциховский А. В. 1949. Раскопки восточной части дворища в Новгороде... С. 165.

³³ Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е. Древнейшая дренажная труба Новгорода // ННЗ. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 183–185;

³⁴ Сорокин А. Н. Указ. соч. С. 61.

³⁵ Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 52.

³⁶ Тарабардина О. А., Степанов А. М., Сорокин А. Н. Деревянные водоотводные каналы средневекового Новгорода // ННЗ. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 229.

³⁷ Тарабардина О. А. Динамика строительства в средневековом Новгороде в свете данных дендрохронологических исследований 1995–2007 гг. // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород – Санкт-Петербург – Москва, 2009. С. 544; Тарабардина О. А. О динамике строительства в Новгороде в эпоху Ярослава Мудрого // Новгород в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 328–329.

вает мощная прослойка материкового песка, выброшенного из фундаментных рвов собора при его строительстве в 1113 г.³⁸

Исследования 2007–2014 гг. на Ярославовом дворище уточнили наши представления о характере конструкций, выявленных раскопками 1930–40-х гг., а осуществленное впервые дендрохронологическое изучение сооружений Дворища позволило точно их датировать. Установлено, что дренажная система из деревянных труб к юго-востоку от Никольского собора сооружена не в XI в., а около 1420 г., а полвека спустя, в 1475 г. в непосредственной близости от абсид возникает постройка с погребом. Полученные дендродаты весьма отличаются от первоначальных датировок, однозначно относя выявленные сооружения к совершенно другой исторической эпохе, «перемещая» их из раннего средневековья в финальный период существования новгородской феодальной республики. Этот пример убеждает, что раннее предложенные датировки и интерпретации древностей Ярославова дворища нужно использовать с большой осторожностью.

Получена серия дендродат для раннего горизонта погребений, совершенных у стен Николо-Дворищенского собора, – 1500–10-е гг.: формирование некрополя у этого храма начинается достаточно поздно, в начале XVI в. – уже в московское время. Точные даты для погребений эпохи Средневековья в Новгороде получены впервые, а для памятников Новгородской земли это второй пример успешного применения метода дендрохронологического датирования некрополей. Ранее такого рода исследование проводилось мной в Старой Руссе, где на Георгиевском II раскопе близ церкви св. Георгия открыта раскопками часть кладбища, датированного концом XIV в.³⁹

Средневековые слои на исследованном участке Ярославова дворища фактически уничтожены кладбищем; предметы и керамика XI–XIV вв. в коллекции раскопов 2007–2009, 2013–2014 гг. крайне малочисленны⁴⁰. Вероятно, чтобы понять, что же происходило у стен Никольского собора в период между его строительством в 1113 г. и благоустройством территории в начале XV в., необходимо продолжить исследования за пределами некрополя, в частности, к юго-востоку от собора, где зафиксирована хорошая сохранность культурных напластований.

³⁸ Рыбина Е. А., Пежемский Д. В., Самойлов К. Г., Курбанова М. П. Исследования на Ярославовом дворище в Великом Новгороде // АО 2009 года. М., 2011. С. 56.

³⁹ Торопова Е. В., Торопов С. Е., Пежемский Д. В., Самойлов К. Г. Археологические исследования у церкви Св. Георгия в Старой Руссе в 2006 году // ННЗ. Великий Новгород, 2007. Вып. 21. С. 79.

⁴⁰ Пежемский Д. В., Мацковский В. В. Указ. соч. С. 92.